

18+

Русский берег

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ №1,
ЯНВАРЬ, 2026



герцог фон Бабенберг

**Русский берег. Литературный
журнал №1, январь, 2026**

«Издательские решения»

герцог фон Бабенберг

Русский берег. Литературный журнал №1, январь, 2026 / герцог фон Бабенберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688980-4

Журнал «Русский Берег» создан как точка сборки смыслов. Мы совмещаем глубокую аналитику новейшей литературы (проза, поэзия, драматургия) с визуальными искусствами, формируя целостное культурное поле. Наша цель — быть берегом: опорой для мысли и отправной точкой для диалога с миром.

ISBN 978-5-00-688980-4

© герцог фон Бабенберг
© Издательские решения

Содержание

Колонка главного редактора	6
Открывая новые берега	6
Московский литературный процесс	8
Введение	9
Исторические корни: становление литературной инфраструктуры Москвы	10
: Основные литературные объединения Москвы XIX века	11
Советский период: между цензурой и творческими поисками	12
Роль «толстых журналов» в сохранении литературной традиции	13
Современный литературный процесс Москвы: вызовы и перспективы	14
Цифровизация литературного процесса и книгоиздания	15
Заключение	16
Проза	18
Борис Виленский	19
КАРТА	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Русский берег

Литературный журнал №1, январь, 2026

ТОМ №1, январь 2026 г

главный редактор: герцог фон Бабенберг

Редколлегия: Борис Виленский, Сергей Каратов

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Редактор герцог фон Бабенберг

Редактор Сергей Федорович Каратов

Редактор Борис Семенович Виленский

Дизайнер обложки Борис Семенович Виленский

Фотограф Борис Семенович Виленский

Иллюстратор Tanya Dean

Фотограф Tanya Dean

Переводчик Tanya Dean

© Борис Семенович Виленский, дизайн обложки, 2025

© Борис Семенович Виленский, фотографии, 2025

© Tanya Dean, иллюстрации, 2025

© Tanya Dean, фотографии, 2025

© Tanya Dean, перевод, 2025

ISBN 978-5-0068-8980-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0068-8981-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

109012, Москва, Никольская ул, 7—9, стр.4

п\я №87

Колонка главного редактора

Открывая новые берега

Уважаемые читатели,

Перед вами первый номер журнала «Русский Берег». Эти два слова, вынесенные в заглавие, для нас не столько красивая метафора, сколько наша программа и приглашение к путешествию в мир русской культуры.

«Берег» – место, где заканчивается незнакомое море и начинается твердая, осмысленная земля. Место, куда возвращаются после долгих странствий и откуда отправляются в новые плаванья. Сегодня, в мире стремительных и порой тревожных перемен, русской культуре и литературе как никогда нужен такой «берег» – не как убежище, а как опора для диалога, точка сборки смыслов и творческой энергии.

Чем же наполнен этот первый, по праву особенный выпуск?

Время, в которое нам выпало жить и творить, эпоха перемен – это тектонический сдвиг, когда рушатся старые парадигмы и рождаются новые, подчас причудливые и пугающие, формы бытия. Наш журнал, литературно-художественный, призван быть не просто хроникёром этих процессов, но и их активным осмыслением, голосом, доносящим до вас не только факты, но и дух времени, его сокровенный, часто скрытый от поверхностного взгляда, нерв.

В этом выпуске мы сознательно сталкиваем в лоб, казалось бы, антагонистические реальности. Начинаем мы с глубокого аналитического материала о московском литературном процессе, исследуя его корни и его сегодняшние, подчас неочевидные, вызовы. Это взгляд в фундамент нашей культурной традиции, в ту самую «духовную составляющую», без которой, как верно замечает герой повести Бориса Виленского, любая жизнь, любая цивилизация рискует превратиться в рутину, в «привязанность, потом в привычку».

И тут же, в нашей прозаической части, мы предлагаем вам мощное художественное высказывание – повесть Бориса Виленского «КАРТА». Это захватывающий сюжет о таинственном артефакте. Это метафора поиска смысла в мире, где привычные ориентиры растворились. Это история о том, как частная, казалось бы, «немотивированная лень» оборачивается экзистенциальным прорывом, столкновением с запредельным. Герои повести, как и мы все, оказываются на границе миров – усталого, предсказуемого и тревожного – и манящего, иного, но требующего безвозвратной жертвы. Выбор Сергея – это выбор каждого мыслящего человека сегодня: остаться в знакомом, но бессмысленном хаосе или шагнуть в неизвестность, где, возможно, обитает истина.

Цикл рассказов Сергея Евтеева – это другая грань нашей действительности. «Золотая осень» и «Кур Семёныч» – это гимн человеческой солидарности, творческому порыву и той самой «энергии созидания», которая, как мы утверждаем в аналитической статье, не иссякла. Это напоминание о том, что среди глобальных бурь и личных драм остаются вечные ценности: дружба, верность долгу, способность видеть красоту и радоваться ей. А «Перестройка» и «Терёхин» – это честный, без прикрас, взгляд на наше недавнее прошлое, на тот самый «советский период», где творческий поиск и высочайшая личная ответственность существовали в условиях идеологического контроля и абсурдной системы. Эти рассказы – ключ к пониманию той закалки, что позволяет нам сегодня противостоять вызовам куда более изощренным.

И, наконец, мой провокационный роман «Квадрига на вираже». Это наша общественно-политическая фантазия, доведенная до предела. Мир, где глобалистские элиты пытаются выстроить «стерильный рай», а им противостоит «Квадрига» – союз непохожих,

но волевых суверенов. Это размышление о том, может ли в эпоху тотальной цифровизации и наднационального контроля сохраниться национальный дух, патриотизм, право на свою, пусть и неидеальную, судьбу. Роман отвечает: да, может. Но для этого нужны не только технологии, но и смелость, дружба, проверенная в огне, и готовность идти до конца, не боясь показаться абсурдным или «неэстетичным».

Все эти материалы, собранные под одной обложкой, говорят об одном. «Русский берег» – это не ностальгия по прошлому. Это – активный, живой, мужественный проект в настоящем. Это поиск ответа на главный вопрос: что есть человек в этом новом, стремительном мире? Винтик в системе глобального контроля? Статист на фоне чужих игр? Или же свободный творец, способный, объединившись с другими, отстоять своё право на любовь, на дружбу, на веру, на поиск истины – даже если эта истина скрыта за обгоревшей кромкой старой карты в гуде рукописей?

Мы верим в последнее. И приглашаем вас, наши читатели, к этому диалогу.

герцог фон Бабенберг, главный редактор журнала «Русский берег»

**Московский литературный процесс
традиции и современность в журнально-
издательском пространстве**

Введение

Москва на протяжении столетий остается духовным и интеллектуальным центром русской литературы, где рождаются новые творческие направления и формируется литературный канон. История московского литературного процесса – это не только хроника творческих достижений отдельных писателей, но и эволюция издательских практик, создающих необходимую инфраструктуру для развития словесности. От первых литературных обществ до современных цифровых платформ московская литературная жизнь демонстрирует удивительную преемственность традиций при постоянном стремлении к обновлению форм и содержания.

Журналы и издательства Москвы выполняют роль важнейших медиаторов между автором и читателем, формируя литературную репутацию произведений и обеспечивая их вхождение в культурный оборот. Взаимодействие творческой энергии писателей и организационных возможностей издателей создает тот уникальный сплав, который мы называем московским литературным процессом.

Исторические корни: становление литературной инфраструктуры Москвы

Первые литературные объединения и журналы

Зарождение организованной литературной жизни в Москве можно отнести к началу XIX века, когда стали появляться первые литературные общества, объединявшие писателей и поэтов на основе общих эстетических принципов. Одним из таких объединений стало Дружеское литературное общество (1801), в которое входили А. И. Тургенев, В. А. Жуковский, А. Ф. Мерзляков и другие видные литераторы своего времени. На заседаниях общества царила атмосфера творческого поиска и строгой взаимной критики: «Мы строго критиковали друг друга письменно и словесно, разбирали знаменитейших писателей... спорили много и шумно за столом учёным и расходились добрыми друзьями по домам», – вспоминал позднее Мерзляков.

Особое значение для формирования московской литературной среды имел «Московский журнал» Н. М. Карамзина (1791—1792) – одно из первых периодических изданий, задавших высокие стандарты литературной критики и художественного вкуса. Карамзин не только определял содержание журнала, но и выступал как издатель, редактор и переводчик, публикуя свои произведения («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза») и произведения других авторов. Журнал имел четкую программу, включавшую русские сочинения в стихах и прозе, переводы иностранных авторов, критические разборы русских книг, театральные рецензии и описание происшествий.

Расцвет литературно-издательской деятельности в XIX веке

XIX век ознаменовался дальнейшим развитием литературной инфраструктуры Москвы. В 1888 году возникло Общество искусства и литературы, основанное К. С. Станиславским, А. Ф. Федотовым, Ф. Л. Соллогубом и Ф. П. Комиссаржевским. Устав общества провозглашал целью «способствовать распространению познаний среди своих членов в области искусства и литературы, содействовать развитию изящных вкусов, а также давать возможность проявлению и способствовать развитию сценических, музыкальных, литературных и художественных талантов». Это объединение стало важной вехой в интеграции литературного творчества с другими видами искусства.

: Основные литературные объединения Москвы XIX века

«Московский журнал» 1791—1792 Н. М. Карамзин Заложил основы русской литературной критики и профессионального редактирования

Дружеское литературное общество 1801 А. И. Тургенев, В. А. Жуковский, А. Ф. Мерзляков Создало модель творческого объединения литераторов-единомышленников

Общество искусства и литературы 1888-? К. С. Станиславский, А. Ф. Федотов Интеграция литературного творчества с театром и другими искусствами

Советский период: между цензурой и творческими поисками Литературный процесс в условиях идеологического контроля

Советский период стал временем сложных трансформаций для московского литературного процесса. С установлением государственного контроля над издательской деятельностью литература разделилась на три основных потока: официальная советская литература, не подцензурная культура (самиздат и тамиздат) и литература русского зарубежья. Цензурные ограничения привели к тому, что многие талантливые авторы оказались вынуждены публиковаться за рубежом или хранить свои произведения в стол.

В 1970-1980-е годы значительная группа одаренных литераторов, включая Иосифа Бродского, Андрея Синявского, Владимира Максимова, Василия Аксенова и других, оказалась в эмиграции, где создавала собственные журналы – «Континент», «Время и мы», «Синтаксис». Эти издания стали «необходимым дополнением к усеченному цензурой, обедненному литературному пространству в СССР». Журнал «Континент», основанный в 1974 году в Париже под руководством В. Максимова, публиковал не только произведения эмигрантов, но и материалы, связанные с не подцензурной русской культурой XX века.

Роль «толстых журналов» в сохранении литературной традиции

Несмотря на идеологическое давление, в советский период продолжали выходить авторитетные литературные журналы, сохранявшие высокие стандарты литературы. Особое место среди них занял журнал «Москва», в котором впервые был опубликован роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». История этого издания отразила сложную судьбу литературного процесса в России: основанный в 1881 году, он возобновлял работу в 1918 и 1957 годах, постоянно оставаясь площадкой для качественной литературы.

На страницах «Москвы» публиковались такие выдающиеся произведения, как «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина, «Они сражались за Родину» Михаила Шолохова, «Семнадцать мгновений весны» Юлиана Семенова, а также переводы зарубежной классики – «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, роман «За рекой, в тени деревьев» Эрнеста Хемингуэя. Уникальной особенностью журнала стал раздел «Домашняя церковь», открывающий перед читателями сокровищницу духовно-культурных религиозных ценностей.

Современный литературный процесс Москвы: вызовы и перспективы Новые издательские модели и литературные институции

Современный этап развития московского литературного процесса характеризуется многообразием форм и жанров, а также появлением новых издательских моделей. Сегодня издание книг и журналов стало более доступным благодаря развитию технологий, однако это потребовало переосмысления традиционных подходов к редакционной политике и продвижению литературных произведений.

Современные издательства предлагают комплекс услуг – от корректуры и редактуры авторского текста до разработки дизайн-макета и распространения через книжные магазины. Присвоение издательского пакета (ISBN, УДК, ББК) стало обязательным условием легитимации книги в культурном пространстве, поскольку без этого издание не может попасть в библиотеки и крупные книжные магазины. Для журналов вместо ISBN присваивается код ISSN, который относится ко всему изданию в целом, а не к отдельным выпускам.

Цифровизация литературного процесса и книгоиздания

Важной тенденцией последних лет стала активная цифровизация литературного процесса. Московские университеты разрабатывают магистерские программы, нацеленные на подготовку специалистов, владеющих «новейшими технологиями преподавания литературы с использованием ресурсов цифровой среды». В рамках таких программ изучаются «сетевая литература и современный фольклор», «литература и искусство Серебряного века в мультимедийном формате», «русская литературная классика и цифровые образовательные ресурсы».

Цифровые технологии изменяют и сам процесс книгоиздания. Современные типографии предлагают различные варианты производства журналов – от выбора формата (наиболее распространены А5 и А4) до способа скрепления страниц (скрепка, КБС, КШС). Разнообразие полиграфических возможностей позволяет создавать продукцию, отвечающую как массовым запросам, так и потребностям нишевых аудиторий.

Заключение

традиции и инновации в московском литературном процессе

Московский литературный процесс продолжает развиваться, сохраняя преемственность культурных традиций и одновременно осваивая новые форматы и технологии. Исторический опыт показывает, что литературная жизнь столицы наиболее продуктивна тогда, когда сочетает уважение к классическому наследию с открытостью экспериментам и инновациям.

Современные вызовы, связанные с цифровизацией и изменением читательских привычек, требуют от участников литературного процесса гибкости и творческого подхода. Однако базовые принципы, сформулированные еще в XIX веке – стремление к качеству текста, внимательная редактура, уважение к таланту автора и потребностям читателя – остаются неизменными.

Московские литературные журналы и издательства, как и столетия назад, выполняют роль важнейших институтов, обеспечивающих непрерывность литературного процесса, открытие новых имен и сохранение культурного наследия. В их деятельности находит воплощение уникальный синтез традиций и новаторства, определяющий особое место Москвы в истории русской литературы. Дополнение в раздел «Современный литературный процесс Москвы: вызовы и перспективы»

На фоне общих тенденций особого внимания заслуживают проекты, сознательно выстраивающие альтернативную модель взаимодействия с авторами и читателями. Ярким примером такого подхода является новый «Московский литературный журнал» издательства «Треатис», который позиционирует себя как некоммерческий проект, ставящий во главу угла качество текста и поддержку литературного сообщества.

Гуманные принципы как основа редакционной политики

В противовес коммерциализированным издательским моделям, журнал заявляет о создании максимально комфортных и уважительных условий для авторов. Это выражается в следующих принципах:

Бесплатная публикация для прошедших строгий отбор авторов, что исключает финансовые барьеры и нацелено на отбор произведений исключительно по критериям художественной ценности.

Сохранение авторских прав за создателями текстов.

Развитая система обратной связи, при которой даже к текстам, не принятым к публикации, могут быть даны рекомендации от членов редколлегии.

Строгое рецензирование как гарантия качества

Парадоксальным образом «гуманность» условий для авторов сочетается с исключительно высокими требованиями к качеству текстов. Процесс отбора включает многоэтапное слепое рецензирование членами редколлегии – практикующими писателями и критиками, членами Союза писателей России. Это обеспечивает объективность и высокий художественный уровень публикуемых материалов, создавая журналу репутацию серьезной профессиональной площадки.

Образовательная и социальная миссия: мастер-классы для начинающих

Проект выходит за рамки чисто издательской функции, принимая на себя просветительскую и менторскую роль. Планируемое проведение мастер-классов и творческих семинаров для начинающих авторов призвано восполнить дефицит профессионального роста в современной литературной среде. Эта инициатива нацелена на формирование нового поколения писателей, владеющих не только творческим потенциалом, но и профессиональными навыками.

Стратегия развития: от цифры к бумаге

Журнал выбирает современную и прагматичную модель старта: первоначальная публикация производится в электронном формате. Это позволяет минимизировать издержки, обеспечить широкую и быструю доступность контента для целевой аудитории и оперативно реагировать на обратную связь. При этом важной целью заявлен последующий переход к выпуску бумажных версий для наиболее успешных номеров или отдельных произведений, что подчеркивает уважение к традиционной книжной культуре.

Таким образом, наш журнал «Русский мир» предлагает модель, которая пытается синтезировать доступность цифровых технологий, высокие стандарты «толстых» журналов и образовательную функцию литературных объединений прошлого, выступая примером адаптации традиций московского литературного процесса к вызовам современности.

Главный редактор журнала З. фон Бабенберг

Проза

Книжная полка русской прозы в 2025 году являет собой удивительно сбалансированный ландшафт, где маститые классики современности и новые, звонкие голоса ведут между собой негласный, но напряжённый диалог. Читательский интерес, окрепший за последние годы, словно разделился на два мощных течения. Первое влечёт к монументальным, выверенным романам, которые становятся событиями самим фактом своего появления. Здесь, без сомнения, царит Гузель Яхина с её художественным исследованием судьбы Сергея Эйзенштейна в романе «Эйзен», а Виктор Пелевин продолжает свой фирменный проект «Transhumanism inc.», погружая героя в алхимические лабиринты Италии в книге «A Sinistra». Рядом с ними – масштабные проекты вроде альтернативно-исторического триллера Шамиля Идиатуллина «Мировая» и футуристической саги Эдуарда Веркина «Сорока на виселице».

Параллельно набирает силу иное, молодое течение, чья энергия рождается не из масштаба, а из глубины и точности попадания в нерв времени. Это проза, исследующая личную и коллективную травму, экзистенциальные тупики и поиск почвы под ногами в разломе эпох. Голос поколения звучит в романах Веры Богдановой, где прошлое болезненно прорастает в дистопическое будущее, и в метапрозаических исканиях Нади Алексеевой, чей «Белград» ловко сплетает судьбы современных релокантов с чеховскими мотивами. Иван Бевз бросает ироничный взгляд на школьные годы 2000-х, а Ася Володина с психологической чуткостью препарирует раны взросления и академической среды. Именно в этой среде, среди новых имён, вызревает и главный жанровый феномен года – «славянское» фэнтези, где Кошей и Баба-Яга становятся героями нового мифа, предлагающего форму эскапизма, укоренённого в национальном фольклоре.

При этом фундамент остаётся незыблем. Стабильный интерес к аудиокнигам и непоколебимое присутствие Достоевского и Булгакова в топах продаж говорят о важном: читатель ищет не только новизны, но и глубины, точки опоры. Современная русская проза, таким образом, живёт в продуктивном напряжении – между экспериментальным жестом и традицией, между глобальным сюжетом и частной болью, между попыткой осмыслить будущее и потребностью заново прочитать прошлое. И в этом её главная сила.

Борис Виленский

Биография

Виленский Борис Семёнович родился в семье офицера-фронтовика в 1951 г. Мать из крестьянской раскулаченной семьи в начале 30-х. С детства мечтал стать лётчиком или моряком, а стал строителем. Но море всегда было в жизни – жил у моря в Одессе и служил на флоте 3 года. С воздухом тоже подружился в аэроклубе в секции парашютистов, совершил 350 прыжков. Занимался разными видами спорта – стрельба, гимнастика, карате. В Москве работал на строительстве олимпийских объектов, фабрик и заводов. Занимался резьбой по дереву, реставрацией старинной мебели.

КАРТА (Повесть)

С глухой тоской я смотрел на груды рукописей, беспорядочно сваленную на компьютерном столе. Немотивированная лень не давала мне разобрать этот завал. А может это и не лень была вовсе, а осознание собственного бессилия и того, что приходится работать «в стол». Хаос на столе успешно дополнял кот Прохор – единственное существо, которому прощались все его грехи без всякой исповеди. Вероятно, он понимал безнаказанность как свою непреходящую значимость для семьи. Кот был объединяющим звеном в уже слабой семейной цепочке. Долгие годы совместной жизни с женой как-то охладили все чувства и новизну бывших отношений. Похоже, это происходит со всеми, когда исчезает какая-то духовная составляющая. Любовь постепенно переходит в привязанность, потом в привычку или боязнь сломать уклад супружеской жизни. Банально, но быт засасывает, как болото. Я пытался философски осмыслить причины этого явления, но пришёл к выводу, что каждая семья имеет свои причины к этому. Жена моя была поглощена заботой о детях, своими болезнями и устройством быта. Кроме всего перечисленного мне же были нужны новые впечатления, новые люди, новые пейзажи. Это помогало мне расширять свой кругозор, давало новые знания и новые темы для моих рассказов или статей. Нет, я не стремился завести на стороне какой-нибудь роман, потому что исповедовал принцип «лучшее – враг хорошего». К тому же, у меня было почти патологическое отвращение ко лжи и двойной морали. Таковы были издержки моего воспитания. Большинство людей, окружавших меня, высказывались весьма саркастически по поводу моей правильности. Некоторые даже утверждали, что их тошнит от этого. Но меня нельзя было переделать.

Иногда меня осаждали юные поэтессы, которым были нужны публикации или рекомендации в Союз писателей. Некоторые были действительно талантливы. И тогда я делал всё возможное для них. Но большинство ничего не имело за душой, кроме тщеславия или материальных желаний. Они могли привлечь внимание своими прелестями, но ничего не давали для души. Для них мир материальный был понятней мира духовного. Им хотелось поклонения и подношений. Но жизнь коротка. Это понимаешь только тогда, когда за спиной осталось несколько юбилеев, несколько пережитых операций и увеличивающееся число смертей близких и друзей. Неумолимое течение времени выводило сознание на новые ступени бытия. Прожито много, а сделано так мало. А сколько ещё непознанного в этом мире. Я понимал утопичность своего стремления объять необъятное. Но это стремление было моим двигателем и смыслом жизни.

В результате внутренних усилий я всё-таки решил разобрать свои рукописи. Кот лежал на столе в позе сфинкса, олицетворяя собой незыблемость домашнего уюта. Я вздохнул и аккуратно перенёс увесистого нахала на диван. Тот с укором посмотрел на меня, свернулся в клубок, закрыв лапой мордочку, дескать, «глаза бы мои тебя не видели». Обиделся. Ладно, пройдёт, помиримся на кухне. Вскоре я полностью погрузился в разбор бумаг. На пол полетели листки многочисленных копий стихов, рассказов, статей. Всё это уже было опубликовано, а теперь только занимало место и собирало пыль. Жена заглянула в комнату и с молчаливым одобрением ушла на кухню. Медленно, но всё-таки стопки бумаг меняли свой объём на меньший. Иногда я цеплялся взглядом за какие-то строки на листках, думая о том, где можно что-то поправить, «причесать», но потом, махнув рукой, отправлял их на пол. И тут я наткнулся на карту. Как затесался в мои рукописи этот пожелтевший листок из плотной бумаги похожей на ватман? Мне было непонятно. Странно, края карты были слегка обгоревшими, но сама карта не пострадала. На ней были заштрихованы какие-то пятна, обозначены реки и населённые пункты без надписей, зато там было много непонятных знаков и символов. Ничего похожего я никогда не видел.

Меня охватило необъяснимое чувство – чем больше я вглядывался в карту, тем больше ощущал в ней непонятную глубину, словно это была голограмма. Мистика какая-то: карта притягивала взгляд, как магнит. В таком оцепенении я пробыл около часа, пока не зазвонил телефон. Звонил мой давний приятель, поэт, академик, и он приглашал меня на свой юбилейный вечер в Доме учёных. Положив трубку, я вновь занялся картой. В голове был полный сумбур, мысли крутились, словно частицы в ускорителе, с огромной скоростью. Но ни одна из них ничего не проясняла. Через какое-то время я ощутил спазмы в висках. И тут рука сама потянулась к телефону. Я вдруг вспомнил, что мой друг Лёшка Крыжанов в молодости занимался криптографией, поиском кладов и всякой аномальщиной. Он искал то «Велесову книгу», то Беловодье, то тайны тамплиеров, то Шамбалу. Его мечтой было найти легендарную Либерию, библиотеку Ивана Грозного. Но, как водится, пыл молодости приутих под ударами жизненных стихий. Его пять официальных браков ничего не прибавили к мечте, а только отдалили её. Жёны требовали денег на детей, что не вызывало возражений (детей Лёшка любил), но женщинам и этого было мало. Крыжанов даже продал отцовскую дачу, подарок Сталина, разделив деньги поровну, всё отдал жёнам. Дети со временем выросли, бывшие жёны успокоились. Но передышка для «вечного должника» не была слишком длительной. Снова началось женское нытьё на нехватку денег, жалобы на пошатнувшееся здоровье и трудную жизнь. Пресловутая «перестройка» и распад СССР крепко ударили по мозгам граждан, а ещё больше по совести.

Крыжанов периодически уходил в недолгий запой и, в конце концов, его уволили с работы, хотя равноценной замены ему не нашли. Лёша снова запил. В этот период я и сподобился ему позвонить. По невнятной речи друга я понял, что сегодня не мой день, и положил трубку. Но ближе к вечеру Крыжанов сам позвонил и совершенно трезвым голосом попросил меня приехать с картой к нему. Я удивился, что в его пьяном сознании удержалась моя информация.

– Ириша! – позвал я жену. – Мне нужно уехать к Лёшке с ночёвкой.

– Опять будете плакать друг другу в жилетку по поводу загубленной женщинами свободы? – усмехнулась жена. – Хорошо, езжай, только не напейтесь, как в прошлый раз, – предупредила она.

Я не стал с ней спорить, потому что последнюю нашу встречу с Крыжановым мы отметили основательно, после чего я три дня приходил в себя. К тому же, ненужная сейчас полемика могла перерасти в семейную разборку. А на это не было ни времени, ни желания. Аккуратно положив карту в папку, я прихватил ещё из бара бутылку водки, надеясь, что жена не скоро обнаружит её отсутствие среди множества других бутылок.

Крыжанов встретил меня виноватой улыбкой на припухшем от недавней пьянки лице.

– Покажь карту, – прохрипел он, нависая надо мной своей массивной фигурой.

– Что, так и будем тут в коридоре стоять? – возмутился я.

– Да, да, – опомнился он, – проходи в комнату.

Развалившись на диване, я огляделся по сторонам. В комнате царил относительный порядок, даже больше, чем у меня. Весьма странно для одинокого пьющего мужчины. Я не спешил доставать карту, зато водворил на журнальный столик поллитру.

– Это потом, – коротко бросил Крыжанов, – и в качестве катализатора мыслительного процесса.

Видя, что друг не в настроении, я выложил на стол карту. Крыжанов буквально впился в неё глазами, а потом осторожно, словно змею, взял её в руки. Мне даже показалось, что опухлость и черты лица как-то сгладились, а глаза приобрели более осмысленное выражение. Крыжанов дотянулся огромной рукой до полки и вооружился лупой. Он долго и скрупулёзно разглядывал каждый сантиметр карты, проверил и обратную сторону, на которой ничего не было, и даже понюхал бумагу.

– Откуда она у тебя? – спросил он, буравя меня тяжёлым взглядом.

– Я сам себе задаю этот вопрос, но, боюсь, никогда не узнаю на него ответа.

– Семейно допрашивал? – жёстко спросил Крыжанов.

– Бесполезно, – я махнул рукой. – Им до этой карты нет никакого дела, как, впрочем, и до всего, что я делаю.

– Хорошо, но какие-то предположения у тебя имеются? Ты же умный мужик. И пишешь интересно, значит, мыслишь.

– Мыслю, но не догоняю, как выражается молодёжь. Тут, Лёша, моих мозгов не хватит. Это нечто запредельное. Знаешь, я даже боюсь её. Она мне напоминает гоголевский «Портрет».

– Да, – согласился друг, – от неё веет какой-то чертовщиной, только не могу понять – какой. Нутром чую. Но раз нам жизнь подкинула такой «подарок», то попробуем разгадать его. А ты точно не знаешь, откуда она взялась? – он с подозрением уставился на меня.

– Клянусь! – я торопливо перекрестился.

– А гостей в последнее время у тебя много было? – поинтересовался Крыжанов.

– Ох как много, – вздохнул я, – авторы приходят – кто за рецензией на свою книгу, кто просит помочь с макетом книги, а некоторые со всяким вздором. Всех даже сразу и не вспомнишь. Верить, для своих книг нет времени.

– Так послал бы всех к чёрту! – рассердился Крыжанов. – Знаешь, многие люди исповедуют принцип «Давай сначала съедим своё, а потом каждый своё». Это настоящие хронофаги, пожиратели чужого времени, энергетические вампиры.

– Есть такое дело, – согласился я. – Но, понимаешь, не могу отказывать людям, не научился. Особенно тем, кого давно знаю.

– И зря, многие этим пользуются самым бессовестным образом и садятся тебе на шею. Вот как мои жёны.

Я промолчал, чтобы не затрагивать болезненную для друга тему.

– А может спалить её к чертям собачьим! – я уже начинал заводить.

– Но мы же не ищем лёгкой жизни, – усмехнулся Крыжанов, многозначительно подняв палец. – К тому же, судя по обугленным краям, карта уже горела. Но не сгорела. Смекаешь? В этом есть некий промысел. Правда, не знаю чей. Можно, конечно, спалить её, как ты говоришь, да только неразгаданная тайна будет сверлить тебя до конца дней твоих. Тайны имеют такую вредную особенность. Если мы не можем ответить на вопрос, откуда карта, так может попробуем узнать для чего она и что в ней.

– Лёша, я свои мозги уже свихнул, попробуй ты.

– А я свои пропил, – парировал Крыжанов.

– Но не все же. Поскольку мы трезвые, то будем рассуждать по-трезвому.

– А может это тот самый случай, когда следует принять допинг, – Крыжанов бросил красноречивый взгляд на бутылку водки. – Слушай, а это не может быть чей-то розыгрыш? – предположил он.

– Лёша, я тебя сейчас ударю. Это не простая карта. В ней что-то скрыто такое... Кому бы пришло в голову расстаться с раритетом? То, что это раритет, я не сомневаюсь.

– Пожалуй, что так, – почти прошептал Крыжанов, снова вглядываясь в карту через лупу. – Бумага старая, довольно плотная... О, чёрт! Чем больше вглядываешься в неё, тем больше открывается глубина изображения. У моих детей был альбом с магическими картинками, привезли из Парижа. Но там компьютерная графика. Ты знаешь, очень странно, что карта не имеет никаких надписей – только знаки над заштрихованными участками.

– А что эти знаки могут означать? Ведь ты же занимался поиском кладов, криптографией, шифрами.

– Пока не знаю, – промычал Крыжанов, продолжая вглядываться в карту. – Они похожи на руны. Но в этом я не силен. Достань-ка географический атлас с той полки.

Я попытался вытянуть толстенную книгу с полки, но рука сразу ушла вниз под тяжестью атласа.

– Вот это кирпич, – удивился я, – слона можно убить.

Крыжанов стал листать страницы атласа, но минут через двадцать сдался.

– Так мы ничего не найдём. Нет никаких привязок, ориентиров, надписей. Надо бы технику задействовать. Есть у меня один товарищ, он инженер-компьютерщик – работали с ним вместе в нашей бывшей конторе. Он спец, что надо.

– Так звони ему, чего тянуть, – стал наседавать я.

Через минуту друг уже набирал номер телефона, но там было постоянно занято.

– Да поставь ты трубку на автодозвон, – посоветовал я.

– И правда, – согласился Крыжанов.

Через полчаса звонок телефона заставил нас вздрогнуть.

– Игорёк, ты очень нам нужен, – прохрипел в трубку Крыжанов, – до зарезу. У нас с другом полный цейтнот с одним делом.

– Я не пью, – отозвался голос на другом конце провода.

– Я уже бросил, – ответил Крыжанов, – и от тебя зависит как надолго.

– Ты это серьёзно? – спросил Игорь.

– Очень, Игорёк, очень. Каким будет твой вердикт?

– Ты бы хоть намекнул, что у тебя там за проблемы. Не люблю работать вслепую. Может я ничем не смогу тебе помочь.

– Извини, Игорёк, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

– Хорошо, – сдался собеседник, – приезжайте.

– Надо ехать, пока у нас «крыша» не поехала, – пошутил Крыжанов, положив трубку. – Игорь толковый компьютерщик, сам разрабатывает программы. Может даже устроить хакерскую атаку на Пентагон, но это ему неинтересно.

Дорога заняла у нас минут сорок. Игорь жил рядом с метро, поэтому мы скоро оказались перед его дверью. Она отворилась раньше, чем была нажата кнопка звонка.

– Мы к тебе по важному делу, – начал быстро Крыжанов, – нам нужны твои мозги, – он решил сразу брать быка за рога, не тратя времени на реверансы. – У нас есть карта, которую нужно идентифицировать с реальной местностью. Можешь?

– Давай карту, – Игорь протянул руку.

Я поспешно достал карту из сумки и протянул хозяину.

– Интересная штука, – Игорь почесал в затылке, – такого мне видеть не приходилось. Откуда антиквариат?

– Не задавай вопросов, на которые мы не знаем ответа, – проворчал Крыжанов. – Колдуй.

Игорь провёл друзей в комнату, заставленную разной аппаратурой. Он отсканировал карту и ввёл её в компьютер. Его пальцы запорхали по клавишам, на мониторе замелькали какие-то таблицы, быстро открывались и закрывались «окна». Последний раз клацнув какой-то клавишей, Игорь откинулся в кресле и закурил.

– Пока идёт поиск, можно поговорить. Колитесь, друзья, что в этой карте?

– Игорь, вот тебе крест! – Крыжанов размашисто перекрестился. – Если бы мы хоть что-то знали, то, может быть, сами бы раскрутили это дело. Но тут, понимаешь, одни загадки. Мы сначала предполагали, что карта – розыгрыш, что нас кто-то разводит...

– Хватит оправдываться, – подытожил Игорь. – Будем надеяться на этот умный ящик, – он похлопал ладонью по компьютеру. – Нам теперь остаётся набрать в рот воды, сесть на печку и ждать, когда закипит.

В комнате воцарилась атмосфера молчаливого ажиотажа. Игорь периодически поглядывал то на монитор, то на друзей, словно хотел что-то прочесть в их лицах. Ожидание стано-

вилось тягостным, но все молчали. Наконец на мониторе появилась карта, но не та, которую принесли гости.

– Ну, вот, что-то проясняется, – Игорь был несколько озадачен. – Это же карта аномальных зон европейской части России. Тут обозначена вся географическая топонимика: реки, озёра, города, дороги. Есть даже точные координаты аномальных зон, а в ссылках даётся описание каждой.

– А почему они по-разному заштрихованы? – поинтересовался я.

– Очевидно, каждая зона имеет свои свойства, – предположил Крыжанов. – Надо открыть ссылки и внимательно изучить их.

Пальцы Игоря снова забегали по клавишам. Через час в головах уже гудело от обилия информации.

– Всё, стоп! – скомандовал Игорь. – Нужна передышка – пошли чай пить.

На кухне он заварил крепкий чай, достал из шкафчика коробку конфет.

– Так, друзья, что-то мы уже знаем, – подвёл итог Игорь, – хотя и неясного много. Остаются тёмными символы на карте.

– Игорёк, а как бы нам высветлить эти символы, – в голосе Крыжанова прозвучали несвойственные ему просительные нотки. – Поколдуй ещё немного – может найдутся какие-нибудь аналоги.

– Вы, ребята, меня крепко озадачили, – задумчиво произнёс Игорь. – Если бы я не держал в руках вашу карту, то подумал бы, что это компьютерные глюки в меня переселились. Что-то в ней такое... – он неопределённо пощёлкал пальцами, – бесовское.

– Мне тоже сначала так показалось, – признался я, – но потом понял, что тут нечто другое.

Выпив по две чашки чая, мы вновь расселись перед монитором. Но больше ничего нового узнать не смогли. Ситуация становилась патовой.

– «Помощь зала» не прокатывает, – констатировал Крыжанов, – остаётся «звонок другу».

– Кого ты ещё хочешь вписать в нашу историю? – поинтересовался я.

– Есть у меня одна женщина... – начал было Крыжанов, но я ему не дал закончить.

– Кто бы сомневался, в этом ты специалист.

– Заткнись и слушай! – оборвал меня друг. – Так вот она – лингвист, причём – от Бога. Правда, жизнь у неё не задалась: после смерти единственного сына сильно сдала, да и муж подался на сторону. Живёт теперь одной наукой.

– И красивая женщина? – спросил Игорь, отрывая взгляд от монитора.

– Нормальная, – уклончиво ответил Крыжанов. – Вот только не знаю, под каким соусом подать ей нашу загадку – она баба конкретная и пустой болтовни не любит.

– Тогда скажи ей, что писатель нашёл какую-то непонятную рукопись, – предложил я, и не может с ней разобраться.

– Не учи учёного, – буркнул Крыжанов.

Он долго пытался дозвониться, но телефон молчал. Наконец это ему удалось. Он сделал паузу, а потом заговорил. Со стороны могло показаться, что он несёт бред, но во всём этом была какая-то система.

– Всё, ребята, клюнула! – Крыжанов положил трубку и радостно потёр руки. – Приедет через час. Будем ждать.

– По-моему, мы ведём себя не очень корректно по отношению к женщине, – вдруг засомневался я. – Время уже достаточно позднее, десять часов. Как она будет добираться домой? К тому же, мы спекулируем на профессиональном интересе женщины.

– Оставим моральные угрызания за скобками, будешь в этом упражняться в своих шедеврах. Тоже мне – Достоевский. Я хочу хоть какой-то ясности. Ты своей картой сам спровоцировал наш интерес. Вот и терпи, – рассердился Крыжанов.

– В принципе, что нам даёт её приезд? – стал рассуждать вслух Игорь. – Координаты зон у нас есть. Можно рвануть в ближайшую из них в выходные дни и на местности определиться, аборигенов расспросить. Глядишь, чего-нибудь узнаем.

– Не всё так просто, – я попробовал охладить его пыл. – Эти письма что-то да значат. Да и карта необычная. Я много слышал об исчезновении людей в таких местах. Неподготовленному человеку туда лучше не соваться.

– Серёга прав, – поддержал меня быстро остывший Крыжанов. – Вот приедет Татьяна, тогда выработаем общую стратегию.

Ждать целый час было мучительно, мы все уже устали. К тому же, я сомневался, что приятельница друга приедет так скоро. Женщины всегда собираются долго, это я знал по опыту. Но ровно через час в дверь позвонили.

Татьяна долго разглядывала карту, что-то записывала в блокнот, потом достала небольшие листки кальки и аккуратно скопировала все символы. Свои действия она никак не комментировала, словно троих мужчин и не было вовсе. Потом она села к компьютеру. Скорости её пальцев позавидовал даже Игорь. Её лицо в профиль кого-то напоминало мне, но смутный образ ускользал непостижимо ловко. От напряжения даже заломило в висках.

– Ну, вот, господа, – Татьяна устало откинулась на спинку кресла, – это письма одного из древнейших праязыков. Они обозначают «иной мир». Это, конечно, узкий смысл, это то, что я могу перевести на наш язык. На самом деле всё гораздо сложнее. Эта карта – древнейший артефакт. Откуда он у вас?

– Господи! Неужели мне до конца жизни придётся отвечать на неразрешимый вопрос, – вздохнул я обречённо. – Если мне ещё кто-то задаст этот вопрос, то я за себя не отвечаю.

– Твой писатель всегда такой нервный? – спросила Татьяна Крыжанова.

– Нет, с сегодняшнего дня, как нашёл эту карту, – ответил Алексей.

– Неплохо бы произвести анализ этой карты под мощным микроскопом – бумага, чернила и прочее, – предложила Татьяна.

– Это уже сложнее, – вздохнул Крыжанов, – тут нужен энтузиаст, работающий в серьёзном институте, возможно, криминалист. А туда нужны допуски, согласования. К тому же, придётся отвечать на много вопросов, в том числе, глупых. А могут и спецслужбы заинтересоваться или, как вариант, криминальные структуры.

– Ты прав, – согласился Игорь, – за артефактами идёт настоящая охота. Порой это большие деньги. А где деньги, там всегда кровь. А наше любопытство может стоить жизни.

– Да разве ж это жизнь, – вздохнул Крыжанов, – одна видимость. Мы не личности, а только статистические единицы, контингент, электорат, быдло.

– Хватит митинговать. У меня есть предложение: надо отправиться в ближайшую зону на разведку. Разумеется, поедут только добровольцы, – я уже мысленно собирал рюкзак для похода.

– Танечка, спасибо тебе за помощь, – Крыжанов отвесил церемонный поклон, с нас цветы, шампанское и конфеты.

– Мало, – возразила Татьяна. – Хотите от меня легко отделаться? Нет, не получится. Я поеду с вами.

– Таня там может быть опасно. К тому же, мы ещё ничего не решили. Это у нас писатель всегда готов хоть к чёрту в зубы, лишь заполучить новую тему или информацию для своей писанины, – Крыжанов ехидно бросил взгляд в мою сторону. – Извините, господа, но надо хорошо подумать.

– Так решайте, мужчины, – в глазах Татьяны сверкнул лукавый огонёк.

– И вправду, – согласился с ней Игорь, – а чего мы теряем – разрушенную страну, преданные идеи и таких же преданных стариков, несчастливые семьи, безрадостную нищую старость и зомбированных американской «демократией» детей? А?

– Убедил, – Крыжанов примиренчески возвёл руки. – Ставим на голосование, и пусть на всё будет Божья воля.

Против не нашлось никого. Мы приступили к разработке деталей нашей авантюры. Долго спорили, в какую зону поехать. Мнения разделились пополам.

– М-да, – промышчал Крыжанов, – патовая ситуация. Что будем делать?

– Надо выпить, – предложил я, – и снова проголосовать.

– Постой, но мы же ничего с собой не взяли, – всполошился Крыжанов. – Совсем нюх потеряли. Стареем.

– Скажи «спасибо», что у тебя есть друзья, – усмехнулся Игорь и полез в бар за бутылками.

Он выставил на выбор водку, коньяк и «Мартини». Остановились на коньяке.

– Что ж, заметил я, – прожевав дольку лимона, – разговор может состояться в пользу положительного решения.

– Не блуди словами, писака, – проворчал Крыжанов, – мы не на митинге и ты не Горбачёв. Имеешь что сказать дельное – говори, а нет – помалкивай.

– Мне показалось, – осторожно высказалась Татьяна, – что красная зона в Ярославской области выделена не случайно. Может стоит начать с неё, к тому же, она ближе всего к Москве.

– Дельная мысль, – одобрил Крыжанов. – Учитесь, мужики. Ты, Татьяна, женщина большого аналитического ума.

– Ум не заменит счастья, – грустно заметила Татьяна.

Сообща, наконец, решили, что поездка состоится через две недели. Этого времени должно было хватить для подготовки.

* * *

Две недели я приводил в порядок дела, разгребая свои и чужие рукописи. Жена спокойно отнеслась к моему заявлению о поездке. За много лет супружеской жизни она уже привыкла к тому, что «ветер странствий» постоянно звал меня в путь, и эту жажду дорог могла остановить только банальная смерть. Жена хорошо знала мою стойкую неприязнь к югам. И действительно, вид праздношатающихся, расплавленных жарой и ленью отдыхающих, были для меня невыносимы. Мне никогда не удавалось соблазнить жену поездкой в очередной «медвежий угол», очевидно, её привычки столичной жизни были слишком устоявшимися. Зато она не препятствовала мне в моих устремлениях, за что я был ей благодарен. К тому же, когда мне мешали, я своим ворчанием мог нарушить любое равновесие.

Почти до мелочей я продумал свою экипировку, так как привык всегда полагаться на себя. На всякий случай, я купил 400 метров страховочной верёвки и карабины к ней, неотсыревающие спички и фонарик-динамо, ведь батарейки всегда разряжаются в самый неподходящий момент. Естественно, я никак не мог обойтись без топора и ножа. А нож у меня был отменный – немецкий, трофейный, из хорошей стали, в кожаном чехле. Он достался мне от отца вместе с бритвой «Золинген», поэтому хранился, как семейная реликвия. Немного подумав, я добавил ещё швейцарский складень, который мне привёз в подарок из-за границы капитан дальнего плавания.

В назначенный день мы собрались на Ярославском вокзале. Лица у всех были какие-то сосредоточенные, в разговорах были сдержаны. И даже Крыжанов не отпускал свои обычные шутки, он был собран и деловит, следов былых пьянок на лице почти не было. Татьяна в джинсах и бежевой ветровке со своей короткой стрижкой чем-то походила на парня. И только в серо-голубых глазах пряталась глубокая, щемящая женская тоска. Поймав её взгляд, мне стало как-то не по себе, словно я заглянул в запретное. Вскоре поезд со свистом убежал от Москвы. Привычный пейзаж за окном не вызывал интереса, общий разговор не клеился, словно слова приберегались для чего-то более важного. Все были погружены в свои думы, как в спячку. Три часа пролетели почти незаметно. В Ярославле на перрон мы вышли почти «ватными» ногами.

– Лёша, а теперь нам куда? – спросил я Крыжанова, – ведь ты у нас главный картограф, тебе и карту в руки.

– Нам нужен автобус 138, – ответил за Крыжанова Игорь, – я ещё дома пробил маршрут по интернету. Вон на площади стоянки автобусов – там и будем искать.

Место остановки автобуса нам указала какая-то старушка, которая быстро перекрестилась и засеменила прочь.

– Похоже, местные не очень жалуют это направление, – заметила Татьяна, – возможно, что знают, – со вздохом добавила она.

С автобусом нам повезло: не пришлось долго ждать, к тому же, он был полупустой. Сели поближе к кабине, чтобы меньше трясло. Дорога и впрямь была самая «японская» – тояма, токанава. За полтора часа наши желудки подкатились к горлу. Городок, куда мы приехали, скорее напоминал посёлок. Там не было зданий выше трёх этажей. И только пожарная каланча нарушала общую высотность.

– И куда нам теперь? – Крыжанов взглянул на часы. – Будем искать ночлег или двинемся дальше?

– Неплохо бы подкрепиться, – предложил Игорь.

В маленьком кафе пообедали два человека, очевидно водители, потому что на улице стояли два грузовика. Официантка долго не подходила к нам, болтая у стойки с кавказцем. Тот протирает бокалы и, сверкая золотыми зубами, отпускал какие-то комплименты пышногрудой официантке. Наконец она заметила новых посетителей и принесла затёртое посетителями меню. Выбор был небогатый, поэтому заказ для всех сделали одинаковый.

– Ну, что, – Игорь нервно крутил в пальцах солонку, – пока там стряпают, есть время обсудить наши планы. Зона находится в 40 км отсюда. Дорога, по моим сведениям, там только грунтовая, идёт в основном по лесу. Добраться на машине – дело плёвое, пешком же – придём только к ночи. Какие будут предложения?

– Я так мыслю, – начал Крыжанов, – если не найдём транспорт, то придётся здесь ночевать. Этот вариант мне не очень нравится, но 40 км пешкодралом хорошо в молодости, а нам, извините...

– А какие ещё есть варианты? – спросила Татьяна.

– Да, похоже, не густо, – согласился с ней Игорь.

Мы быстро расправились с обедом, и вышли на площадь. Такси, разумеется, тут быть не могло. Грузовики уже укатили, людей на улице было мало. Игорь обратился к двум подросткам, которые поблизости ремонтировали выдавший виды мопед. Оба приятеля были озадачены вопросом незнакомца. Они переглянулись. Один из них, шмыгая носом и размахивая грязными от графитовой смазки руками, пытался вразумить чужаков, что в нужную им сторону никто не поедет, так как на середине пути уже давно рухнул мост через речку.

– Ну, и как нам теперь быть? – Крыжанов как будто разговаривал сам с собой. – В этом болоте жизнь остановилась ещё задолго до нашего рождения.

– А может мальчишки врут или просто не знают другой дороги, – предположил я. – Надо бы ещё кого-нибудь расспросить. Кстати, вон там универмаг маячит, а продавцы много чего знают.

Местный «супермаркет» не блистал выбором для покупателя: обувь отечественная, вышедшая из моды лет десять назад, такие же костюмы и куртки, а в самом дальнем закутке стояли велосипеды и детские коляски. Девушка-продавец была похожа на молодую купчиху, словно сошла с картин Кустодиева, она вся светила здоровьем и добродушием. Выслушав нас, она подтвердила сказанное мальчишками.

– Может зря мы сюда припёрлись? – высказал сомнение Игорь. – Надо было приезжать на машине.

– А мост, – напомнила Татьяна.

- А вы купите велосипеды, – предложила продавец, слышавшая наш разговор.
- Таня, ты умеешь ездить? – спросил Крыжанов.
- В детстве умела, а сейчас – не знаю.
- А вы, господа будущие пенсионеры? – усмехнулся Крыжанов.
- Не думай, что ты у нас юниор, – парировал я. – Идея мне нравится. А хватит нам денег на эти чудеса техники?
- Пора подбить финансовый баланс, – предложил Игорь. – Девушка, сколько стоят ваши «кони»?
- Не дороже денег, – улыбнулась продавщица. – К тому же, они у нас уценённые – сделаны ещё в СССР.
- Небось заржавели с того времени, – усмехнулся Крыжанов.
- У нас хоть и провинция, – обиделась девушка, – но мы не торгуем некондицией. Да вы и сами можете проверить все велосипеды.
- Девушка, вы нас убедили и мы берём ваши раритеты, тем более что сделаны в СССР, а не в Китае. Заверните! – широким жестом я выложил деньги на прилавок.
- Велосипеды были в полном порядке, но смазки на них было столько, что пришлось купить две бутылки ацетона и вафельные полотенца на ветошь. Удалив лишнюю смазку, Игорь подкачал все шины. Мы стали обкатывать своих «коней» прямо на площади. Глядя на массивного Крыжанова верхом на велосипеде, друзья не могли удержаться от улыбки.
- Хватит зубы скалить, – сказал Крыжанов, подъезжая к ним. – Учитесь! Мастерство не пропьёшь.
- Слышь, мастер, – поинтересовался я, – а куда мы потом этих «коней» денем? В моей «конюшне» точно места нет.
- Ничего, загоним по дешёвке, – успокоил Игорь, – а можно и в Москву переправить на электричке – будем потом выезжать на коллективные прогулки.
- Я свой заранее дарю тебе, – мне даже представилось, как Игорь тащится с двумя велосипедами.
- Вы забыли, зачем мы здесь, – напомнил Крыжанов.
- Сверив карту с местностью, мы покинули городок. Грунтовая дорога была хорошо укатана. На наше счастье давно не было дождя. Иногда колёса подпрыгивали на корнях деревьев, но это не мешало нашему продвижению.
- Ребята, – прокричала Татьяна, ехавшая в середине, – а сколько мы будем вот так добираться?
- Часа четыре, – ответил Игорь. – Доедем до моста – передохнём, а там поищем брод.
- Часа через полтора наша кавалькада выехала к мосту. Брод искать не пришлось – по оставшимся доскам машина бы не прошла, а пешком с велосипедом пройти было не сложно. За речкой дорога пошла с уклоном в нужную нам сторону. Усталости пока не было, педали крутились легко. Вскоре лес поредел, и дорога пошла по краю луга. Широкое пространство запестрело белым, голубым, жёлтым. Но наслаждаться луговым разнообразием пришлось недолго – дорога подошла к оврагу. Тут пришлось спешиться. Внизу было сумрачно и сыро. Разбитая колея в овраге уже давно заросла бурьяном. Потом дорога поползла вверх и вошла в лес. Подъём сбил дыхание, пришлось сделать привал. Перекусили печеньем, попили воды и снова оседлали велосипеды. Солнце мелькало между деревьев огромным красным диском. Это придавало лесу некую таинственность, тревожность, может быть, даже торжественность. Друзья понимали, что скоро наступит вечер и нужно искать пристанище на ночь. Лес вдруг закончился, пространство вокруг людей раздалось вширь. Даже дышать стало легче. И тут дорога стала раздваиваться.
- Доставай карту, – скомандовал Игорю Крыжанов, – будем определяться.
- На карте развилка не показана, – Игорь озадаченно потёр затылок.

– Надо разделить по двое и проехать вперёд с километр, какая дорога будет более наезженной, ту и выберем, – с уверенностью предложил Крыжанов.

– Нам не стоит разделяться, – высказала опасение Татьяна.

– А может они пойдут почти параллельно и мы будем друг от друга в зоне прямой видимости, – продолжал гнуть Крыжанов.

– Вряд ли это что-то нам даст, – засомневался я, – зона, скорей всего, не очень посещаемое место, к тому же, как я понял, у местных пользуется дурной славой.

– Можешь, когда хочешь, – оскалился Крыжанов. – Вот нам и писатель пригодился, а то думал, что они только бумагу переводят.

– Да пошёл ты! – вяло огрызнулся я.

– Хорошо, – посерьёзней Крыжанов, – ставим на голосование. Цель уже где-то рядом. Знать бы – где? Высказывайтесь, господа.

– А карта больше ничего не может нам сказать? – спросила Татьяна.

– Дело в том, что зона не означает точечную цель, – высказал я догадку, – и, кстати, она может проявлять свои свойства только периодически. Этой периодичности мы не знаем.

– Плохо дело, – согласился Игорь, – так можно искать до бесконечности. Таня, а твои письма могут дать хоть какой-то намёк в нашей ситуации?

– Я уже думала об этом, но порадовать вас нечем.

– Прямо хоть монету бросай, – обречённо предложил Крыжанов. – Надо посидеть, молча, сосредоточиться и послушать внутренний голос. А?

– Прямо как в ковбойском анекдоте, – усмехнулся я.

В молодости я занимался аутотренингом, поэтому постарался вспомнить старые навыки: сел на землю, закрыл глаза, отключил слух, настроился на нейтрализацию кожных ощущений и запахов. Вскоре я стал проваливаться в какое-то пространство, где не было ни верха, ни низа. Сознанием я пытался дотянуться до карты. Постепенно плоскость карты стала переходить в трёхмерное изображение, а потом и вовсе в нечто, чему не было объяснения.

Очнулся я о того, что меня кто-то энергично тряс за плечи. Потом долго не мог понять, где я нахожусь. На меня с удивлением смотрели три пары глаз. Выражение лиц у друзей было такое, словно я вернулся с того света.

– Где был, чего видел? – съехидничал Крыжанов.

– Твой самый страшный сон, – парировал я, ко мне возвращалось обычное состояние.

– Давайте решать, – напомнил Игорь, – пока ещё не стемнело.

– Поедем влево. Или у кого-то есть другое мнение? – моя уверенность как-то успокаивающе подействовала на остальных.

Через час впереди замаячили среди деревьев какие-то постройки. Чем ближе мы подъезжали к ним, тем тревожней становилось на душе. Мы въехали в посёлок, так условно окрестили это место, где стояли четыре одноэтажных дома барачного типа и ещё одно здание в два этажа. Побросав на земле велосипеды и рюкзаки. Мы обошли все строения снаружи, громко объявляя о своём приходе. Но тишину, кроме нас, больше ничто не нарушало.

– Надо обследовать все дома, – предложил Крыжанов, – выбрать место для ночлега и... – он красноречиво похлопал себя по животу.

– Тогда расходимся, – Игорь испытывал зуд деятельности, – только поосторожней – постройки старые, давно брошенные, здесь могут полы проваливаться или ещё что-нибудь.

Вооружившись фонарями, мы разошлись в разные стороны. Один небольшой дом имел явно медицинское назначение, потому что там валялись почти истлевшие медицинские сумки с красными крестами. В одной комнате стояли медицинские шкафы с разбитыми стёклами, на стенах висели выцветшие плакаты 50-х годов. Остальные комнаты были пусты. Я направился к двухэтажному зданию.

Дом, доставшийся Игорю, состоял из кабинетов. Узнать их назначение было нельзя, потому что на дверях остались только блёклые следы от табличек. В комнатах не было ни сломанных стульев, ни старых газет, ни брошенных ненужных бумаг.

Крыжанов своё здание обошёл за десять минут и не нашёл там ничего, кроме одной сломанной кровати с панцирной сеткой. С разочарованным видом он покинул дом.

Татьяна обходила свой объект, который напоминал склад. Там во многих помещениях стояли пустые пыльные стеллажи. Все стёкла в доме были закрашены когда-то белой краской, которая местами отшелушилась и отлетела.

В двухэтажном здании были два входа, я направился в ближайший. Войдя в холл первого этажа, мне сразу же бросились в глаза заложенные красным кирпичом дверные проёмы. Кладка была небрежной, выполненной на скорую руку. Я сделал попытку разрушить её ударом ноги, но кладка устояла. Применять больше приёмы карате я не стал – ноги могли понадобиться, когда их придётся быстро уносить. На втором этаже все комнаты были пусты. Странно, но во всех зданиях не было ни одного разбитого стекла. Второй вход в доме ничего не добавил к увиденному. На первом этаже также были заложены дверные проёмы.

Когда друзья сошлись вместе после осмотра, по их лицам было заметно, что энтузиазма значительно поубавилось.

– Что-то здесь не так, – сказал Крыжанов. – Или карта врёт, или мы чего-то недодумали. Татьяна, ну скажи хоть что-то. Что ещё могут открыть нам твои письма?

– Трудно объяснить, но я попробую. Символ на карте имеет несколько значений: безвозвратность или новый путь. Возможны и другие значения, которых я не знаю.

– И что сие означает? – я вдруг почувствовал в висках сильную боль.

– А то и означает, – пожала плечами Татьяна. – Значит нужно искать то, что может это объяснить. Что именно – не знаю.

– Уже темнеет, – напомнил Игорь, – сегодня мы уже точно ничего не раскопаем.

– Сергей, ты говорил, что в твоей двухэтажке заложены дверные проёмы на первом этаже, – вспомнил Крыжанов. – С чего это вдруг в заброшенном доме проёмы закладывают кирпичом? А может там каморка какого-нибудь папы Карло. Надо бы ещё раз взглянуть, а то вправду становится темно.

Все четверо направились к дому. Крыжанов критически осмотрел кладку, попробовал её плечом, потом ногой, но стена стояла крепко.

– Стоп! У тебя же есть топор, – вспомнил Крыжанов.

– Не дам! – воспротивился я. – Это раритетный топор из немецкой стали. Он только для дерева. Ты хоть раз точил топор по-настоящему.

– Я знал, что у писателей с головой не всё в порядке, – ответил Крыжанов, – но чтоб настолько... Обухом нужно, обухом, голова садовая.

Наконец я понял, чего добивается Крыжанов. Пришлось достать свой ценный топор. Игорь пожертвовал большую кованную ударную отвёртку. При свете фонарей мы по очереди стали долбить кладку. Через какое-то время Игорю удалось выбить первый кирпич, а дальше пошло легче. Через час пролом расширили настолько, что в него можно было протиснуться, но только не Крыжанову. Он и довершил разборку проёма настолько, что мог пролезть сам. Мы сложили свои рюкзаки рядом с проходом и, вооружившись фонарями, полезли внутрь. Мы не ожидали, что столкнёмся с непонятным так скоро: лучи фонарей терялись в пространстве, хотя, по логике, до противоположной стены от проёма должно быть не более двадцати метров.

– Стоп, ребята! – опомнился я. – Дальше не идём. Тут чертовщина какая-то. Вылезаем обратно и устраиваемся на ночлег. Полезем сюда на рассвете.

– Сергей прав, – поддержал меня Игорь, – соваться ночью в эту непонятную дыру – верх беспечности. Лучше всё-таки дождаться утра.

– Тогда какого рожна мы сюда припёрлись! – восстал Крыжанов. – Сидели бы дома спокойно – диван, телевизор, компьютер, тапочки...

– Я тоже против, – призналась Татьяна, – не очень хочется сейчас лезть в эту темень. Надо бы поесть и лечь спать.

– Подчиняюсь большинству, – сдался Крыжанов. – Но учтите – подыму всех рано.

Мы достали из рюкзаков бутерброды и бутылки с водой. Кое-как поужинали при свете фонарей и, забрав рюкзаки, поднялись на второй этаж. Решили переночевать там, чтобы с рассветом солнце послужило нам будильником. Спальных мешков у нас не было, ведь наша поездка была ознакомительной, разведкой. Спать на пыльном полу в брошенном давно доме было неудобно и противно. Но выбора не было.

Даже сквозь запylённые стёкла солнце больно било по глазам. Поэтому все проснулись почти одновременно. У Крыжанова во рту была такая сухость, словно он неделю пробирался по пустыне. Сказывались недавние запои. Он полез в рюкзак за водой и с жадностью опорожнил литровую бутылку.

– Тебе этого не понять, – бросил Крыжанов, поймав мой пристальный взгляд. – Ты ведь всегда свою норму знаешь.

– Знаю, – согласился я. – У меня дядька помер от запоев в сорок с хвостиком. Глядя на него, я и установил себе норму. Хотя, знаешь, завидую людям, которые могут напиться и забыть хоть на время свои проблемы, то есть совсем отключиться.

– Мужчины, может хватит психоаналитики, – подала голос Татьяна.

– Правильно, – поддержал её Игорь, – надо поесть, а потом лезть в преисподнюю. Надеюсь, там не будет очень жарко.

– Как знать, – буркнул Крыжанов, с сожалением поглядывая на пустую пластиковую бутылку.

Наспех позавтракав, мы собрали рюкзаки и двинулись к пролому. На душе было тревожно и неудобно. Мы проверили фонари, перекурили и полезли внутрь. Обухом топора я забил в кладку крюк и привязал к нему крепким узлом верёвку. Внутренне пространство за проломом казалось более объёмным, чем само здание. Нужно было как-то определить границы пространства, поэтому я предложил сначала двигаться вдоль левой стены. Лучи фонарей выхватывали из тьмы какие-то нагромождения кирпичей и досок. Было непонятно, почему строители побросали стройматериалы, которые в советские времена всегда были в дефиците. Продвигались мы медленно – нужно было разматывать шнур, к тому же, опасались наличия колодезцев или других препятствий. По всем расчётам стена должна была закончиться давно, судя по внешнему периметру здания, но это не произошло. Когда я отпустил последние метры шнура, мы остановились.

– Что дальше? – спросил Игорь. – Тут что-то странное происходит.

– Да, уж... вляпались... по самое некуда, – подвёл итог Крыжанов.

– И чего вы разудивлялись? – во мне вдруг вспыхнула непонятная злость, – ведь это же аномальная зона. Иллюзия прогулки уже закончилась. Есть два варианта: мы возвращаемся и забываем о своём путешествии или продолжаем обследовать зону.

– Сергей прав, – вмешалась Татьяна. – Мы все здесь добровольно. Лишние дебаты – лишнее время. А продуктов у нас в обрез.

– Тогда нам стоит вернуться назад и попробовать движение по правой стене. Должно же здесь что-то быть кроме темноты.

Моя уверенность подействовала на остальных. Смотав шнур, мы передохнули и стали продвигаться вправо. Высвечивая фонарями пространство, мы обратили внимание, что в этой части дома почти нет стройматериалов. Стена, вдоль которой мы двигались, стала изгибаться. В конце концов, стена стала искривляться, шнур закончился, а результатов так и не было.

– И тут пустышка, – вздохнул Крыжанов, когда все присели отдохнуть и посоветоваться. – По-моему мы идём неправильно. Что толку ходить по верёвке вдоль стены. Это как пьяный всю ночь ходил вокруг большой бочки, приняв её за забор, идущий к дому.

– А что ты предлагаешь? – спросил Игорь.

– Мне кажется, – Крыжанов на мгновение задумался, – что нужно перестать бегать, как собака на привязи. Надо вернуться к пролому, собрать как можно больше досок и устроить костёр. Оставить одного человека поддерживать огонь, а остальным пойти цепью вглубь.

– Но мы не знаем, как долго идти, – засомневалась Татьяна. – Мы можем потеряться поодиночке в этом мраке.

– Лёша, пожалуй, дело говорит – поддержал я Крыжанова. – Идти надо на расстояние видимости огня за спиной. А чтобы не потеряться, надо идти цепью, и чтобы видеть фонарики друг друга. Если и это не даст результата, то можно вернуться и как следует подготовиться к следующей экспедиции. Согласны?

Все решили, что такой вариант имеет смысл. И снова мы вернулись к пролому. В течение часа мы натаскали много досок. Осталось выбрать кострового. Никто не хотел оставаться, поэтому решили использовать старый проверенный способ – тянуть на спичках. Увы, мне досталась короткая. Конечно, мне не очень хотелось оставаться у костра, но пришлось подчиниться жребия.

Запалить костёр мне не составило труда, так как на такой случай у меня была припасена небольшая пластиковая бутылочка с бензином. Странно, но пламя, взметнувшееся метра на три, показало, что здесь нет потолка. Но самым странным было то, что меня это уже несколько не удивляло. Метаморфозы человеческого сознания трудно объяснить рациональным путём. Неужели человеческая приспособляемость не имеет границ. Подкладывая доски в костёр, я перебирал в памяти все известные случаи в истории и из своего опыта, когда человек выбирался из таких невероятных ситуаций, что это никак не поддавалось логике. Временами я вглядывался в темноту, куда ушли мои друзья. Иногда мне что-то мерещилось, глаза слезились то ли от дыма, то ли от напряжения. Незнание мучило, как жажда. Не знаю почему, но я боялся смотреть на часы. Поэтому ощущение времени стало размытым.

Костёр прогорал быстро, потому что за многие годы доски высохли до звенящего состояния. Я прикинул запас дров и решил ещё натаскать досок. Такая работа давала хоть и небольшую, но всё-таки иллюзию какой-то деятельности. Бездействие вообще было противно моей натуре. Отдыхать я не умел, курорты презирал. Через три дня пассивного отдыха у меня начинался непонятный зуд, и я начинал доставать своих близких. Именно поэтому мы с женой отдыхали в разное время и в разных местах. Она не разделяла моих стремлений полезть в горы, забраться в тайгу, пробираться по узким тропам сквозь заросли кустарников, чтобы посмотреть развалины древнего монастыря или замка. Романтика костров и палаток не привлекала её. Меня же раздражали тучные тела загорающих на пляже людей, скованных ленью и нелюбопытством, тающих под южным солнцем с банкой пива.

Через какое-то время я понял, что досок, сколько ни собирай, надолго не хватит. В очередной раз подсобрав запас дров, я решил отправиться вслед за друзьями. Побросав все доски в костёр, я двинулся в темноту. Луч фонаря выхватывал часть пространства на десяток метров. Этого вполне хватало, чтобы не налететь с ходу на препятствие или вовремя заметить яму. Иногда я оглядывался в сторону костра, чтобы не потерять ориентира... По мере продвижения огонь удалялся и удалялся. Я стал опасаться, что последний ориентир скоро исчезнет из поля зрения. Остаться одному в этой крошечной тьме было тоскливо, даже если с тобой фонарь. Подумалось, что в космосе – огромном, бескрайнем всё-таки сверкали звёзды, а тут – чистая преисподняя. Неожиданно луч фонаря выхватил впереди преграду. Это была кирпичная стена. Боже, правый! Неужели я дошёл до какой-то границы в этом непонятном, чёртовом пространстве. Не знаю почему, но выбрал направление вправо вдоль стены. Мне показалось, что где-то

впереди замаячил слабый свет. Сначала я подумал, что это луч фонаря отражается от какой-то поверхности, потом решил, что у меня устали глаза – вот и мерещится всякое. Но чем дальше я шёл, тем явственней становился свет. И тут я увидел какой-то пролом в стене, откуда исходил свет. Сначала пришла мысль, что я каким-то непостижимым образом вернулся назад. Но около пролома в стене не было ни наших рюкзаков, ни костра. К тому же проём в стене был другой формы и значительно больший.

И тут я застыл... То, что я увидел в проломе стены, скорее напоминало галлюцинацию, хотя нет – мираж. Я помотал головой, пытаюсь избавиться от наваждения, надавил пальцами на глазные яблоки. Но видение не исчезало. Со мной происходило что-то странное: исчезли тревога, усталость, ощущение реальности. Там, за стеной, сквозь пролом в обыкновенной кирпичной стене открывался необычный мир. Не секрет, что мозг работает не как цифровая система, а как аналоговая. Но в данный момент моё сознание не могло найти аналога тому, что видели глаза. А видел я небольшой город с ровными чистыми улицами. Дома там скорее напоминали коттеджи или особняки не выше трёх этажей. Около каждого дома был небольшой ухоженный садик: газоны с клумбами цветов, небольшие деревья, которые не доводилось видеть ни в родном краю, ни за границей, ни в кино, ни в книгах. Архитектура домов была мне совершенно незнакома, хотя в этой области я считал себя в некотором роде знатоком (всё-таки первое моё образование было строительным). Но больше всего меня удивили высокие башни, стоявшие на улице через каждые четыре дома. Башни были круглые в сечении и чем-то ассоциировались с восточными минаретами. Но чем больше я вглядывался в них, тем больше понимал, что сходство с минаретами чисто условное. Просто в памяти не возникало другого аналога. Башни по своим архитектурным деталям не были похожи ни на одно из строений, которые мне доводилось видеть или знать. Даже замысловатая архитектура Гауди в Барселоне не давала сходства. Людей на улицах не было. Могло показаться, что город ими оставлен. Но порядок, царивший на улицах, напрочь отметал такое предположение.

Спокойствие, умиротворение, даже ощущение счастья исходили от неведомого мира. Всё в нём было непонятно, а ещё более непонятным был источник света в этом мире. Солнца не было видно, хотя всё пространство было освещено очень ярко. Казалось, воздух сам светится каким-то золотым светом. Радостное ощущение не покидало меня. Небо было золотого цвета. Такого безудержного эйфорического состояния мне не приходилось испытывать ни с любимыми женщинами, ни во время прыжков с парашютом. Мне даже и сравнить было не с чем. Этот мир был настолько призывный, что я решил познакомиться с ним поближе. Я уже шагнул в сторону пролома, как вдруг ощутил давление в висках. Нет, это не была боль – тупая, изнуряющая или острая, а нечто предупреждающее. Я остановился, пытаюсь понять происходящее со мной. Взгляд мой оставался прикованным к видению необычного мира – такого манящего, загадочного, полного неги и спокойствия. Я сделал ещё несколько шагов. И тут внутри себя услышал чей-то голос. Теперь уже трудно объяснить это и передать слово в слово, но общий смысл мне удалось сохранить в памяти. Голос звучал у меня в голове, но это был не внутренний диалог, а общение с некой сущностью. Причём, сущностью высокого порядка. В какое-то мгновение в мозгу мелькнула быстрая, как молния, мысль, что со мной говорит ангел. Но я почему-то точно знал, что это не ангел. Голос настойчиво призывал меня остановиться и хорошо подумать. Он объяснил мне, что переступив некую границу за силовым экраном, я уже никогда не вернусь в свой мир. Причину он не озвучил. Сущность, говорившая со мной, заставила меня думать настолько интенсивно, что в это даже трудно было поверить. Я много читал, что во время клинической смерти или в особо критические моменты своей жизни люди обозревают всю свою жизнь как ускоренную кинохронику. Но я-то был жив и, похоже, в здравом уме. А мой невидимый собеседник продолжал говорить со мной. Было понятно, что он читает меня, как открытую книгу, выуживая из подсознания даже то, о чём я давно забыл и никогда бы не вспомнил до конца своих дней. У меня где-то промелькнула мысль о рае,

но слегка иронично голос отверг её. Я попытался выяснить, как долго живут в их мире. Но ответ был уклончивый. Я только понял, что там срок жизни не ограничен, но и не вечен. Голос сообщил мне, что выбор я должен сделать сам. Такой борьбы с самим собой я не испытывал никогда. Я довольно стойко сопротивлялся искушениям, которые меня подстерегали в жизни, и втайне очень гордился этим. То, что происходило со мной в этот момент, не имело ничего общего с прошлым. Голос объяснил мне, что в их мир уходят люди, которых уже ничего не держит и ничего не связывает в их родном мире, что в новом мире люди начинают новую жизнь, где прошлый опыт может оказаться бесполезным.

На мой вопрос, много ли людей уходит в их мир, голос ответил коротко: только те, кто ищет путь и кто сумел его преодолеть. Количество вопросов, которые вертелись в моей голове, значительно превосходили мою способность их задать. Удивительно, всё происходящее напоминало фантастический сон. Ещё не приняв решения, я снова шагнул к проёму. Загадочный мир был на расстоянии вытянутой руки. И я протянул руку... Тут она наткнулась на упругое препятствие – два мира разделяла прозрачная мембрана, на преодоление которой требовалось некоторое усилие. И снова голос зазвучал во мне. Он предупреждал, что я не готов к переходу, что моя миссия в моём мире ещё не исчерпала себя. Мысли о собственной миссии, о своём предназначении иногда приходили на ум, но также быстро уходили, потому что, не смотря на многие свои недостатки, я всё же не страдал манией величия, не надувался от собственной значительности. Подобные качества в людях вызывали у меня, в лучшем случае, снисходительную улыбку. Мне хотелось задать собеседнику ещё вопросы, хотел что-то узнать о своих друзьях, какое отношение или влияние имеет их мир на нашу цивилизацию, хотел узнать исторические корни землян... Но, похоже, контакт был прерван. Больше я не слышал ничего, кроме гула собственного сердца. Отступив на несколько шагов, я почувствовал, что давление в висках ослабло. В последний раз я взглянул на неведомый мир, словно хотел запомнить как можно больше из того, что довелось увидеть, как можно больше деталей. Там, за пределами привычного мне мира, ничего не изменилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.